

Постаць – это ёмкое белорусское слово, которое одновременно коннотирует сильную личность, фигуру, индивидуальность и стать. *Постаць* – это больше, чем личность, которое может быть передано белорусским словом асоба. *Постаць* – также больше, чем индивидуальность. *Постаццю* можно назвать выдающееся историческое или политическое лицо, заметно повлиявшее на ход событий и изменившее общественное мнение. Именно о таких женщинах пойдет речь в этой рубрике – о выдающихся личностях, выделяющихся своей значимостью и статью в сфере политики, культуры и общественной жизни.

СИМОНА ДЕ БОВУАР: ЖИЗНЬ – САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Светлана
Айвазова

Тезис «женщиной не рождаются, женщиной становятся» – ключевой в двухтомном труде Симоны де Бовуар «Второй пол»¹, во многом предопределял и основные повороты ее биографии, ее ответы на вызовы времени. Вехи этой биографии: бунт подростка против семьи, гордившейся религиозными устоями, буржуазным благополучием, аристократическими корнями; учеба на философском факультете Сорбонны наряду с будущими знаменитостями – Р. Ароном, Мерло Мерло-Понти, Жаном-Полем Сартром; литературно-философские труды, главным из которых – неожиданно для нее самой – стал «Второй пол»; страстная вовлеченность в общественно-политические дебаты 50-60-х годов; наконец, поддержка студенческой революции в майские дни 1968 года – насквозь пронизаны стремлением жить вопреки традиционному «женскому уделу», стремлением к свободе, творчеству, самоосуществлению. Ее многолетний, принципиально не оформленный и свободный союз с Жаном-Полем Сартром

¹ De Beauvoir S. *Le Deuxième sexe*. Paris, 1949. Русский перевод книги: Де Бовуар С. *Второй пол*. М., СПб., 1997.

вызывал массу толков, пересудов, подражательств, потому что понятия свободы воли, свободы выбора, автономии, самоосуществления личности, то есть «подлинного существования», стали основополагающими не только в оригинальной философской доктрине гуманистического экзистенциализма, но и в ее личной жизни.

Симона де Бовуар объявила в своей книге «Второй пол», что нет ни специального, якобы природного, «женского предназначения», ни так называемой «загадки женской души». Все это – социальные конструкты, навязанные определенными социально-историческими условиями. За тысячелетия патриархатного господства сложились определенные общественные нормы и стереотипы, которые вменили мужчине роль полноценного человека, женщине – роль его «второй половины», его «ребра», то есть практически его собственности. Естественно, что Симона де Бовуар не отрицала в принципе биологического различия между мужчиной и женщиной, вообще – «мужским» и «женским» как природными началами. Она отрицала Фрейда с его знаменитым тезисом: «анатомия – это судьба». Отрицала непосредственную зависимость между разными уровнями человеческого бытия и доказывала, что физиологические различия между мужчиной и женщиной вовсе не предопределяют их экзистенциального различия – различия в качестве субъектов истории, когда один является господином, а другой – его рабом. Это первичное разделение труда не задано неким умыслом, оно навязано конкретными социальными обстоятельствами. Такое разделение труда произошло на заре истории, когда за мужчиной была закреплена сфера «конструирования смыслов жизни» – культуры и общества, а за женщиной – сфера воспроизводства жизни – как бы сфера природы. На этой основе со временем возникли стереотипы сознания, отождествляющие с мужчиной культуру, а с женщиной природу, со всей их символикой.

Симона де Бовуар подчеркивала, что поскольку именно мужская деятельность сформировала понятие человеческого существования как ценности, которая подняла эту деятельность над темными силами природы, покорила саму природу, а заодно и женщину, то мужчина в обыденном сознании предстает как творец, создатель, субъект, женщина

же – только как его творение, и потому – объект его власти. Против этого предубеждения и направлен ее основной постулат: «женщиной не рождаются, женщиной становятся». Симона де Бовуар стремилась рассеять в своей работе любые сомнения в том, что изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли, к трансцендентности и самоосуществлению, что и в мужчине. Их подавление ломает женскую личность, не позволяет женщине состояться в качестве человека. Конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет, по ее мнению, специфику «женского удела» в традиционных обществах. В современном мире женщинам следует осваивать новую роль – роль полноценного человека. Именно в этом и заключен основной пафос книги «Второй пол», которая и по сей день остается самым полным, самым развернутым исследованием о положении женщин.

Рассматривая книгу «Второй пол» в общей канве творчества Симоны де Бовуар, невольно приходишь к выводу, что книга задумывалась ею, прежде всего, как эссе философа-экзистенциалиста, размышляющего о судьбе женщины как судьбе человека, а вовсе не как труд поборницы феминизма. Но история любит парадоксы. «Второй пол» обеспечил Симоне де Бовуар славу крупнейшего теоретика современного феминизма, даже его родоначальницы. Симона не сразу догадалась о той участи, что уготовила ей эта книга. Выпустив «Второй пол» в свет, она не стала заниматься дальше проблемами женщин, женского движения, феминизма. Прежде всего потому, что в пору работы над этой книгой она сомневалась в состоятельности феминизма как сколько-нибудь значимой социальной силы. По ее тогдашнему мнению, феминизму недостает конституирующих начал: у женщин нет ни собственного коллективного прошлого, ни коллективного настоящего, они не могут сказать о себе «мы», как это, например, могут сделать пролетарии. Надежды на преодоление «женского удела» Симона де Бовуар связывала в ту пору с социалистическим обновлением мира и, конечно же, с развитием личностного начала в женщине – с «экзистенциальной перспективой».

Пропаганде социализма и антиколониализма, поиску

путей социального освобождения была посвящена деятельность журнала «Тан Модерн», основанного Бувуар и Сатром. Вскоре журнал выдвинулся в число лучших и самых читаемых в Западной Европе. А его основатели стали почитаться как «властители дум» своего времени. Но политическая деятельность приносила не только громкую известность, а еще и горькие разочарования. Эти разочарования во многом были вызваны осмыслением отнюдь не радужного опыта реального социализма. Личный опыт переплавлялся в страницы романов и мемуаров. За роман «Мандарины», вышедший в свет в 1954 году, Симона де Бовуар получила самую престижную во Франции Гонкуровскую премию.

Новое время, начало которому положили студенческие бунты 60-х годов, поставило в повестку дня истории идеи творческой самореализации, свободы выбора и самоосуществления. На волне студенческого протеста возникло мощное неофеминистское движение. Зачинательницы движения, неожиданно для Симоны де Бовуар, объявили ее своей провозвестницей и вдохновительницей. И она с пылом молодости поддержала это движение, стала его участницей: занималась пропагандой феминизма, возглавляла уличные марши во имя равноправия женщин, обличала все формы насилия над женщинами, требовала признания их репродуктивных прав, включая легализацию аборт, свободное распространение противозачаточных средств и т.д. Этот революционный порыв был таким сильным, что сказался и на ее идейных позициях. Они стали гораздо более радикальными сравнительно с тем, о чем она писала в книге «Второй пол».

В пору ее написания Симона де Бовуар – повторю, во многом вопреки логике гуманистического экзистенциализма и собственному анализу – принимала марксистские тезисы о том, что полное освобождение женщины возможно лишь при социализме, что победа демократического социализма автоматически освободит и женщин, изменит их положение в обществе, что борьба за социализм равнозначна борьбе за освобождение «второго пола». Теперь, в бурные 60-е годы, она думала иначе. Время заставило ее признать, что феминизм представляет собой особую, едва ли не главную, форму борьбы за свободу личности. И потому феминистский протест

не следует смешивать ни с одним другим типом социального протеста. Женщины должны взять свою судьбу в собственные руки и, если нужно, объявить «войну полов» для утверждения своего гражданского равноправия. Этот подход разделяли и ее молодые сторонницы – неофеминистки. Разделяли, подправляя бывшие заблуждения своей провозвестницы и доказывая, что возможны и женская солидарность, и женское коллективное «мы», создавая свое коллективное настоящее, которое очень быстро стало значимым коллективным прошлым. Пробуждение женского коллективного сознания как сознания социального происходило поднепосредственным воздействием автора книги «Второй пол».

Но вот в другом важном вопросе они бесповоротно разошлись. Симона де Бовуар отказалась принять новейшие феминистские концепции о специфической женской субъективности, об онтологически predetermined женской сущности, о некоем женском начале – «феминности», о праве женщины не копировать мужской стандарт социального поведения, а жить в истории на свой манер, согласно «женской природе». Для Симоны де Бовуар, как для любого экзистенциалиста гуманистической направленности, этой онтологической «сущности» в принципе нет и быть не может. Отрицая понятие «феминности» в спорах 60-70-х годов, она до предела заострила свои высказывания. По ее убеждению, в социо-культурном плане женская индивидуальность совершенно тождественна мужской, их различает только физиология или анатомия. В многочисленных интервью и публичных дебатах тех лет Симона де Бовуар доказывала, что быть женщиной – это не призвание, что женщина, как и мужчина, в первую очередь, должна проявлять себя как человек – в труде, творчестве, самоосуществлении. Она – не машина для воспроизводства человеческого рода. Материнство может быть лишь актом ее свободного решения, а вовсе не обязанностью. Именно эта часть ее убеждений вызывала шквал критики – критики самой злобной, что называется «ниже пояса». Конечно, ей было не привыкать к критическому обстрелу. Но агрессивность и правых, и левых оппонентов стала задевать даже ее. «Низость этих реакций глубоко оскорбила меня», – писала она в своих мемуарах.

Оценивая в целом это «жизнетворчество», известный

французский психолог, феминистка из поколения «ее дочерей», Элизабет Бадинтер писала: «Симона де Бовуар освободила миллионы женщин от тысячелетнего патриархатного рабства... Несколько поколений женщин откликнулось на ее обращение к ним: «Поступайте, как я. И ничего не бойтесь. Завоевывайте мир, он – ваш». Взмахом волшебной палочки Симона де Бовуар рассеяла догму о естественности разделения труда по признаку пола. На нее ополчились консерваторы всех мастей. Но прошлого не вернуть. Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что семейный очаг – наше единственное назначение, домашнее хозяйство и материнство – непреложная, обязательная судьба. Все мы, сегодняшние феминистки, – ее духовные дочери. Она проложила нам дороги свободы»².

Так, в постоянном поиске, в потерях и обретениях, идя наперекор традициям и навстречу своей судьбе, Симона де Бовуар сумела обрести самое себя. Так она получила признание своего века. Века, в котором реализовывались ее идеи, влиявшие не только на общественное сознание, но и на общественную жизнь. И это не пафосное преувеличение. Разразившаяся в 60- годы в странах Запада «женская революция» под лозунгом: «Если женщины имеют право на половину мест в раю, то они имеют право и на половину власти на земле!», в 80-90-е годы вынудила власть имущих потесниться и впустить наконец и женщин в структуры управления обществом. Эти структуры из однополых, мужских, стали превращаться в смешанные. Более того, «женская революция» изменила представления о самом содержании демократии. Эта революция расширила ее горизонты, заставила увидеть многоликость, многогранность социального пространства, в котором действует вовсе не один субъект, и которое держит в напряжении вовсе не один конфликт, а множество конфликтов, по-разному разрешаемых разными субъектами. В это новое видение мира внесла свой вклад и Симона де Бовуар.

Когда в середине апреля 1986 года в возрасте 78 лет она ушла из жизни, с ней вышел попрощаться весь Париж. Он чтит ее, судя по опубликованным некрологам, за отважное искусство «подлинного существования», за жизнь – событие, жизнь – самоосуществление.

2 *Le Nouvel Observateur*. 8 mai 1986.